

Мы слышали сегодня притчу о мытаре и фарисее. В этой притче Спаситель говорит: «И пошел из храма мытарь более оправданный, нежели фарисей...» Неужели это значит, что вся добродетель, подлинная добродетель фарисея не значит ничего перед Богом, а один только вздох мытаря спас его и превознес над праведным фарисеем?

Нет. Церковная песнь нам говорит, что мы должны избежать горделивых слов фарисея и научиться высоте мытарева смирения. И одновременно Церковь говорит, что нам надо научиться подлинной, истинной добродетели. Но если она нам – повод для превозношения, лучше бы ее не было, лучше бы не было ничего, кроме глубокого, скорбного сознания нашего недостойнства перед Богом.

Мы призваны быть славой Божией. Мы призваны так жить, чтобы, видя наши добрые дела, люди воздали славу, хвалу нашему Богу, дивились бы Тому, Который нас, таких же, как другие люди, может научить такой святости, такой добродетели, какую мы видим во святых. Но одновременно эта же добродетель должна привести нас к сознанию, что Бог бесконечно свят, бесконечно велик, и нам перед Ним нельзя хвалиться той добродетелью, которую без Него мы никак не могли бы исполнить. Добрые порывы в нас бывают, а сила их совершить, сила так прожить жизнь, чтобы она была сиянием славы Божией, может нам быть дана только Божией милостью.

И вот почему нам надо, с одной стороны, изо всех сил бороться, чтобы наша жизнь была непорочна, чтобы, глядя на нас, люди дивились, чему нас научил Господь; и одновременно, потому что, борясь за чистоту, за свет, за добро, за правду, мы осознаем все более и более, что свят един Иисус Христос, что только Он до предела прекрасен, мы должны научиться поклоняться Ему в смирении, в любви, в радости и воздавать славу Ему одному.

Один вздох, действительно, спас мытаря, один крик спас разбойника на кресте. Одного слова из глубин нашего сердца достаточно для того, чтобы нам раскрылась Божия любовь: но мы не можем заменить этим последним криком долг целой жизни. Мы не имеем права рассчитывать на то, что, прожив жизнь кое-как, не достойно ни себя, ни Бога, в последнее мгновение сможем сказать: «Боже, милостив буди мне, грешному!» – и что Бог поверит нам в этих словах. Бог услышит любое слово из глубин сердца, но не расчетливое слово, не такое слово, которое мы скажем как бы в надежде, что одним пустым словом заменим целую жизнь. Поэтому вдумаясь в эту притчу. Сейчас время, когда Церковь нас готовит познать себя с тем, чтобы приступить к Посту уже приготовленными.

Кто из нас может похвалиться, что, живя по Еванге-

лию или идя путями Церкви, мы в совершенстве отождествляемся с тем, что составляет их сущность: любовь Божия, общение с Богом, забвение себя, всецелая самоотдача в радости и благоговейном трепете?

Прежде всего, мытарь знал, что он недостоин быть среди народа Божия, знал, что он грешник, то есть тот, кто отделен от Бога, кто разделен внутренне вихрем страстей, жадностью, страхом, ненавистью, вождельностями; что он в конфликте с окружающими, потому что для них он хищник, и что гордиться ему нечем. Он только мог надеяться, что Бог будет милостив к нему, что Бог прозрит глубже, чем его жизнь, чем его дела, чем что бы то ни было, кроме как то, что он также создан по образу Божию и что Бог разглядит в его внутренней потемненности и внешней отвратительности ту искру света, которая все еще роднит его с его Творцом – и не отвергнет его вконец.

И это привело его к такому состоянию, которое так дивно в нем: он не решился даже войти в область Божию, в святую область, какой был Храм, какой есть Церковь. Он стоял на пороге, зная, что это земля святая, что Моисей снял обувь свою прежде, чем приступить к Купине Неопалимой, – а здесь было больше, чем Купина Неопалимая, здесь было Божественное присутствие. И он стоял, и бил себя в грудь, и молился: «Боже, милостив будь ко мне, грешному!...»

Вот чему мы должны научиться. Когда мы приходим в церковь, мы приходим в область Божию. Человеческим грехом весь мир предан во власть зла, а храм – такая область, такое место, которое безраздельно посвящено Богу, место, где среди обезбоженного мира Бог у Себя дома, место, где Он царит. И мы должны вступать в церковь с тем чувством трепетного благоговения, которому нас учит мытарь, зная, что мы недостойны быть в присутствии Божиим, что мы не можем поднять глаз наших, чтобы взглянуть в очи Божии, – хотя, если мы их подыдем, то встретим в них все милосердие, и все сострадание, и всю любовь; и что каждое движение, каждая мысль, каждое слово, произнесенное в этой области, должны быть созвучны святости Божией; и вести себя в церкви мы должны как люди, находящиеся в Его присутствии, и с сердцем трепетным, полным покаяния, полным благодарности, полным любви и полным надежды.

Научимся же от фарисея и от мытаря, чего нам избегать и чем нам становиться; и тогда мы встретим Господа в Его милости, в Его любви, Господа, распятого по любви к нам и воскресшего, чтобы уверить нас, что даже самый темный из наших грехов – убийство Сына Божия, ставшего Сыном Человеческим, – бессилен отлучить нас от Бога и истощить, погасить, убить Божественную любовь. Слава Богу нашему! Аминь.

Митрополит Антоний Сурожский

Вы иногда с неодобрением отзывались о случаях, когда монахи покидали Афон, по-моему, по поводу Паисия Святогорца и архимандрита Софрония. Не можете ли Вы пояснить свою позицию в этом отношении? Приходилось ли Вам самому бывать на Афоне?

Монах дает клятву – не покидать обитель, в которой он принял постриг, без благословения игумена или епископа; в еще большей степени это правило соблюдалось на Афоне. Была даже практика, когда монахов, приезжающих на Афон для жительства, вторично постригали. Покинуть Афон – это значит променять лучшее на худшее, то есть создать опасную инерцию духовного скольжения вниз. Но бывают исключения. У меня было недоумение насчет того, что старец Паисий, пользовавшийся большим уважением на Афоне, перед смертью покинул Святую Гору. Но когда я ближе познакомился с его жизнеописанием и особенно когда я посетил его могилу и увидел созданный им монастырь, то мои недоумения рассеялись, и я понял, что это был последний подвиг его земной жизни – создание монастыря, в который он стремился перенести хотя бы частицу Афонского духа. Сама благодать, обитающая на месте погребения старца, свидетельствует об этом. Я слышал также, что старец, предчувствуя смерть, хотел умереть на Афоне, но Господь рассудил по-другому, и сама его могила стала святым местом и краеугольным камнем для созданного им монастыря. Я бывал на Афоне, и с любовью вспоминаю этот уголок земного рая.

Замечаю, что помышления мои – не в вечности, а в этой жизни, чаю получить покой внутри себя.

Здесь, на земле, покой – это дремота на камне, под которым змеиная нора.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

«Если кто молится Богу просто, как попало, будто мимоходом, без страха, какой надлежит иметь тому, кто предстоит пред Богом, пред Коем трепещут херувимы, для того не только это никакой не приносит пользы, тот не только несет ущерб, о коем сказано выше, но терпит несравненно пагубнейший вред, гнев Божий, отращение Божие, изгнание Божие...»

И ни сам страждущий от демонов не чувствует того, ни Бог не сжаливается над ним и не освобождает его от сего, за то, что тот презрел Его и преступил заповедь Его, которая повелевает: *работайте Господеви со страхом, и радуйтесь Ему с трепетом* (Пс. 2, 11).

Кто молится или поет псалмы просто, как попало, с небрежностью и презорством, тот явно не знает, что такое есть Бог» (Прп. Симеон Новый Богослов, 949-1022).

«Надлежит тебе иметь живую и теплую веру, что Бог, по великой милости своей и по множеству щедрот своих, сам желает и готов подать тебе все, потребное для твоего Ему достождного служения, и всякое благо, потребное для тебя. Такая вера и такое упование будут в тебе сосудом, который безпредельное милосердие Божие и наполнит сокровищами Своих благодатей. И чем обширнее и вместительнее будет у тебя сосуд сей, тем с обильнейшими дарами будет всякий раз возвращаться в недра твое молитва твоя...» (Прп. Никодим Святогорец (1749-1809)).

«Как в обыкновенной речи – в беседе с высшими – нужно помнить, с кем говоришь, и держать себя почтительно, выражая почитание и в положении тела, и в голосе, и в словах, и во взоре: так и при беседе с Богом нужно твердо помнить, с Кем беседуешь, и выражать крайнее благоговение и положением тела, и голосом, и взором, а прежде всего – сердцем и мыслью» (Прав. Иоанн Кронштадтский, 1829-1908).

«Человек – не ангел, душа его не живет без тела, как и тело без души. И поэтому самый основной и полный вид молитвы – та молитва, в которой есть на лицо и внутренняя и внешняя сторона. Они тесно соединены между собою как внутренние переживания и обращение человека к Богу, так и внешние действия – поклоны, стояние на молитве, крестное знамение и различные молитвенные действия» (Митрополит Филарет (Вознесенский), 1903-1985).

«На молитве хорошо стоять в струнку, не распуская лениво и беспечно членов и держа всех их в некотором напряжении.

Поклоны возбуждают энергию духа, и дух, возбужденный иным путем, требует поклонов. Они всегда состоят во взаимодействии. Если ж вы не знали, что такое поклоны, то знайте, что они суть прямые следствия возбуждения благоговейных мыслей и чувств, и сами, в свою очередь, возбуждают такие же мысли и чувства и должны быть причислены к способам воспитания духа, не бесильным» (Свт. Феофан, Затворник Вышенский, 1815-1894).

«Лучше сделать немного со страхом Божиим, чем многое со смущением вражьиим. Ежели ты будешь совершать псалмопение и молитву сидя, но с умилением, это не препятствует тому, чтобы служение твое было угодно Богу: ибо кто и стоя совершает его, но рассеянно, труд того вменяется ни во что» (Прп. Варсонофий Великий и Иоанн, VI в.).

Новости Православия

24.01.2015. Теология стала научной специальностью в России.

Кандидатов и докторов теологии в России не появится, однако как научная дисциплина теология решением Высшей аттестационной комиссии отнесена к существующим направлениям, сообщил «Интерфаксу» председатель ВАК Владимир Филиппов.

27.01.2015. Новый премьер-министр Греции отказался присягнуть на Библии. Лидер Коалиции радикальных левых сил Греции (СИРИЗА) Алексис Ципрас отказался давать традиционную присягу на Библии во время вступления в должность премьер-министра. По данным СМИ, Алексис Ципрас – атеист. При этом, как пишет Romfea, Ципрас попросил у главы Элладской Православной Церкви Архиепископа Иеронима благословения и молитв.

27.01.2015. В Киеве подожгли еще одну церковь. В ночь с 26 на 27 января в Киеве был подожжен храм святого мученика Трифона, находящийся возле жилого массива Выгуловщина-Троещина.

28.01.2015. Власти Киева лишили УПЦ МП льгот по оплате за землю. Киевский городской совет исключил Украинскую Православную Церковь Московского Патриархата из перечня религиозных организаций, которым предоставляются льготы по оплате за землю, сообщает Интерфакс-Религия. Депутат Александр Харченко, поясняя необходимость такого решения, заявил, что священники УПЦ на Донбассе якобы ведут антиукраинскую пропаганду и отказываются отпевать погибших украинских военных.

29.01.2015. В Архангельске после обращения епархии запретили выступления экстрасенсов. Муниципальные учреждения Архангельска не будут предоставлять свои залы для окултных практик. Такое заявление сделал мэр города Виктор Павленко после того, как к нему обратилась Архангельская епархия. Духовенство попросило градоначальника не допустить выступления Фатимы Хадуевой, участницы известного телешоу об экстрасенсорных способностях, пишет «Российская Газета». Она должна была приехать в столицу Поморья 22 января и провести семинар в Архангельском городском культурном центре. Объявления были расклеены по всему городу.

Какие книги нужно изучить для уяснения истинной догматики Православной Церкви? Пробовал искать информацию по интернету – наткнулся на список современных авторов, мнению которых не доверяю (Бердяев, Булгаков, Клеман, Осипов, Кочетков, Мейендорф, Шлеман, Фроловский и т.п.). Натываясь на сомнительные вещи становлюсь подозрительным, часто впадаю в уныние.

Одно из свойств православной догматики – это ее непрерывности и преемственности. К сожалению, указанные вами авторы недооценили силу церковного Предания и традиции. Им показалось, что корабль Церкви устарел и обветшал, и они решили, что лучше каждому из них самому пуститься вплавь. В богословии произошло подобие революции, а именно: дети отошли от своих отцов и стали бороться с ними (за мнимую свободу). В результате эти люди, несмотря на их личную талантливость, поддались одной из опаснейших страстей – гордости рефлексирующего рассудка – и остались без твердых критериев истины. Поэтому в их творениях правда перемешана с ложью, фрагментально блестящие мысли – с заблуждениями. Часто их интеллектуальные дерзания оказываются повторением древних языческих заблуждений (говорю о Бердяеве, Булгакове и Флоренском), или либеральным оппортунизмом к церковному учению. Их немалая эрудиция без приверженности к традиции и веры в Предание превратилась в ходули, на которые влез ребенок, чтобы казаться выше взрослых. Я советую вам читать богословов 19-го столетия, «Догматические Послания Восточных Патриархов», и особенно творения преподобного Иоанна Дамаскина. Небольшой по объему «Катехизис» святого Филарета Московского по предпочту всем трудам перечисленных вами авторов – детей мятежного 20-го века.

Слово пастыря

Вопросы священнику

« Небесный огонь » и другие рассказы Олеси Николаевой

Продолжение. Начало в № 20 (256)

Я даже использовала для этого свое членство в Русском Пен-центре и, узнав телефон пресс-секретаря Хакамады, в то время депутата Госдумы, представилась (наверное, для повышения статуса просьбы) писательницей и произнесла в трубку, как мне казалось, некий «харизматический» текст о тех неисчислимых духовных, эстетических, а также прагматических выгодах, которые Ирина Муцуовна могла бы получить за свое покровительство...

Пресс-секретарь (секретарша) строго спросила, что я имею в виду, говоря об «эстетических выгодах»? Я ответила, что восстановление такой прекрасной обители приносит эстетическое удовольствие и вызывает в памяти прекрасный образ великой княгини Елизаветы Федоровны, создавшей свой монастырь...

Ну в том смысле, что это будет «красивый поступок». К тому же его игуменья – аристократка, внучка мученика, сама академик, никогда не была членом КПСС.

Я даже не без поэтической велеречивости намекнула, что Ирина Муцуовна могла бы этим украсить и свой собственный – запнувшись, я все таки сказала – «имидж», и свою грядущую предвыборную кампанию и даже войти в историю, причем самым достойным образом.

Мне кажется, я вещала так убедительно, что чуть ли не вочию вдруг увидела эту прекраснейшую картину вхождения Ирины Муцуовны в историю: в белых одеждах, в изящном венке из лилий – как-то именно так входила туда Ирина Муцуовна, и оттого история представилась на миг чем то наподобие Царства Небесного... Вот такое чудное было у меня мгновенье – мимолетное виденье...

Но завершилось оно, как и положено, тревогами шумной суеты, томлениями безнадежной грусти и мятежным порывом бурь.

Моя собеседница, посоветовавшись со своей начальницей, жестко ответила, что Ирина Муцуовна не видит причин, почему, собственно, она должна помогать именно православным, а не иудеям или мусульманам, или еще кому-то. Было ясно (впрочем, этого и следовало ожидать), что ни образ великой княгини, ни игуменьи-академика никак не вдохновил (хотя бы эстетически) бывшую коммунистическую активистку и преподавательницу марксистско-ленинской политэкономии. И теперь я с печалью окидывала взором тот импортный безликий ширпотреб, в котором Ирина Муцуовна замаячила на телеэкранах...

Но и с насельницами матушке было трудно. В ее распоряжении была одна-единственная настоящая инокиня, уже имевшая опыт монастырской жизни. У матушки ее постригли в мантию, и она продавала свечки. Но и с ней были проблемы – ей мешал именно что прошлый монастырский опыт, она то и дело заявляла игуменье:

– А у нас в такой-то обители было не так... А наша игуменья говорила...

Матушка ворчала на нее:
– Вот и сидела бы в своей обители, что ж она к нам так просилась?

Да и на меня у этой монахини началась брань – ей все казалось, что я уезжаю на монастырской машине «по своим делам» и что заливаю в свою – монастырский бензин, который отпускали мне на бензоколонке по каким-то казенным талонам. И она даже поделилась своими подозрениями с матушкой.

Матушка спросила меня бесхитростно: «А как вы покупаете бензин для своей машины – по талонам или за деньги?» Я ответила: «За деньги», – и она успокоилась. Но поразительно, что эта монахиня на этом не остановилась и, вызвав околными путями имя моего духовника, пробралась к нему – жаловаться. Он спросил меня на исповеди:

– Вы когда-нибудь заливали в свою машину монастырский бензин?

И я поняла, как же враг рода человеческого неистовствует

и мучает Христовых невест! Мне было жалко эту монахиню, и мысль о том, что я забросила мужа, детей, писательство, ринувшись на помощь игуменье и чая «божественных приключений» лишь для того, чтобы подворовывать монастырский бензин, казалась мне просто смешной.

С остальными насельницами было не легче. Многие из них, кажется, вообще не успели стать церковными людьми: во всяком случае, когда нам пришлось всем вместе читать вслух правило к причастию, они это делали так, словно видели эти молитвы впервые и с напряженным удивлением разбирали слова по слогам: о-ле бла-го-утро-би-я Бо-жи-я...

А кроме того – матушка, как оказалось, совершенно не умела начальствовать, то есть приказывать, настаивать, делать выговор. Это было тем более странно, что когда она работала в миру, она руководила целыми лабораториями и отделами. Но в ней – может быть, в этом выражалось какое-то противостояние советской власти, стремившейся подавить личность, – было столь сильно развито, даже гипертрофировано уважение к человеческой свободе, что матушка обращалась к своим послушницам так, как будто предоставляла им полную свободу выбора.

В общении со своевольными и пока еще духовно неотесанными насельницами, продолжавшими считать и в монастыре, что они «в своем праве», это создавало определенные неудобства. Ее обаятельный басок всегда звучал интеллигентно, уважительно и мягко. Разговор с насельницами происходил примерно так:

– Валентина, не хотели бы вы сегодня вымыть пол в храме?
– Ой, матушка, что-то настроения нет, что-то мне в спину вступает.

– Татьяна, а вы как себя чувствуете, вы не были бы против?
– Нет, матушка, я что-то сегодня не в духе.
– А вы, Наталья, как расположены – не хотели бы потрудиться во славу Божию?

– А у меня что-то изжога. Нет, пусть вон Лариса вымоет.
– Лариса, а вы что скажете на мое предложение – вымоете?
– Матушка, а меня в пот бросает, я лучше за трапезой житье вслух почитаю...

Мне становилось жалко матушку, растерянню смотревшую на своих новоначальных и капризничающих послушниц, и я говорила:

– Матушка, если не надо куда ехать, то давайте я вымою.
– Во славу Божию! – радостно откликнулась матушка.

Обычно это оказывало мощное воспитательное воздействие: уже через десять минут все имевшиеся в наличии насельницы ползали по полу и оттирали воск и грязь.

– Как говорил мой покойный муж, – говорила матушка, когда мы после этого садились в машину, – испортила человека советская власть: каждый стал считать, что он должен делать то, что хочет. Самое поразительное, что она не давала для этого никаких возможностей: возможностей не было, а убеждение до сих пор живо.

Вообще матушка очень часто, особенно в минуты сугубых затруднений и скорбей, ссыалась на авторитет покойного мужа: «как говорил мой покойный муж». В устах игуменьи это звучало своеобразно, но трогательно. Было очевидно, что они прожили вместе много лет и жили душа в душу.

Читали же за трапезой на самом деле не житие, а книгу «Ольховский монастырь» – про такую идеальную и тихую женскую обитель. Абсолютно виртуальную и ни в какие времена не существовавшую. Потому что монастырь – это кровь, боль, скорбь, пот. А там все вроде бы – тишь, гладь да Божия благодать, а на самом деле сироп, сахарный концентрат. Наши насельницы томно вздыхали: «Вот бы и нам в такой монастырь...» В конце концов я не выдерживала и говорила им: «Так вот вы сами у себя и создайте его». Они разводили руками: «Да как, как?» Я говорила: «Да хотя бы игуменью свою слушайте!» Но на следующий день все повторялось сначала:

– Елена, вы не будете так добры почистить картошку для сестер?

– Ой, матушка, что вы, у меня что-то с утра в ухе звенит. Да и от нее потом такие руки! Такая под ногтями грязь!..

Несмотря на первоначальные уверения матушки, что работы у меня будет немного («Так только, меня забрать из квартиры в монастырь да из монастыря отвезти вечером домой, по

городу туда-сюда неподалеку, совсем рядом, буквально в двух шагах!..»), ездить мне приходилось с утра до ночи. Но матушка, кажется, сама не могла себе представить, в какую круговерть поместил ее Господь.

В восемь тридцать я доставляла матушку в монастырь, а обратно увозила то в девять вечера, то в десять, а бывало, что и в одиннадцать. А в этом промежутке мне приходилось колесить по монастырским делам практически весь день.

Так, мы ездили с матушкой по каким-то ткацким фабрикам, выбирая материю, из которой послушницам будут шить монашеские облачения и летние платья: монастырю передавалось подворье с храмом, хоздвором, огородами и полями, чтобы он мог сам себя прокормить. Предполагалось, что послушницы приступят к весеннему севу, как только сойдет с полей снег, и все лето до начала осени проведут в деревне. Для работы в полях им и нужны были эти легкие, но по-монашески скромные платья.

Однако матушке категорически не нравились предложенные ей на фабрике ткани – были они все изначально выцветшие и изощренно уродские, словно откровенный вредитель приложил к ним руку: то с какими-то салатными огурцами по грязносному фону, то с фиолетовыми цветками по желто-зеленому, то с оранжевыми домиками по лиловому...

– Кто это все так напридумывал, насочинял, нарисовал? – недоумевала матушка, – Нет, ну как я своих сестер одену в такую сиротско-старческую неряшливую безвкусицу? Я считаю, что и на монахине одежда должна быть опрятной, если угодно, стильной. Монашеский облик – это тоже проповедь. Не должно быть такого, что кто-то, увидев монахиню, отвратился бы от ее безобразного вида. Ну до юродивых нам далеко! Не будем на них равняться – это такая высота, что нам к ней примериваться – только демонов смешить! Нет, монахиня – это кто? Это невеста Христова! Что же – Христу, что ли, самое худшее, самое неряшливое и неказистое нужно отдать? Ну нет! Конечно, никогда не нужно ничем гордиться – тем паче одеждой или внешней красотой, но гордый человек, как его ни одевай, хоть в рубище, хоть в рваные какие портки, все равно найдет предмет своей гордости – рваными носками будет гордиться, грязной шеей... Так что смирение – совсем другой вопрос.

Наконец нам повезло – достали мы для сестер просто сиего ситца в мелкий белый горошек, и матушка вызвала к себе портниху – выбирать фасоны.

– Для худеньких покроя должен быть один, для полных – немного другой...

Сидела, милая, старенькая, беспокоилась, перебирая выкройки, словно собралась одевать собственных дочерей. Так я, когда ездила за границу, ходила по магазинам и волнуясь покупала одежду своим дочкам: старшей Александrine – хрупкой, кареглазой, с каштановыми волосами – одно, младшей Анастасии – крепкой, голубоглазой, беловолосой – именно что немного другое.

Этот выбор игуменьей материи и фасонов для платья монастырским сестрам так меня тронул, что я, когда мы сели с ней в машину, воскликнула от избытка чувств:

– Как же должны быть счастливы, матушка, ваши монахини под вашим крылом!

И тогда она вдруг сказала мне тихо-тихо и с осторожностью таким милым своим баском:

– Ну а вы что же? Может быть, пошли бы ко мне, а? Вместе бы послужили во славу Божию! Монашество – это ж ангельский чин!

И так посмотрела на меня, так посмотрела, как на «свою»... Лейтмотивом матушкиных рассуждений всегда было:

– Вот, Господь меня в восемьдесят лет поставил игуменьей когда-то огромного монастыря. А я – что? Что я Ему скажу на Страшном Суде – Господи, так ведь я старая, я больная, я немощная, послушницы мне достались бестолковые, непослушные, монастырь разрушенный, денег нет, вот я ничего и не сделала! Так я Ему, что ли, скажу? Нет, раз Он меня определил на это место, я должна, хоть умри тут на месте, монастырь восстановить.

Это она повторяла постоянно – и когда начинала брезжить какая то надежда на помощь со стороны, и когда дело казалось безнадежным: да к тому же и Великий пост наступил – время сугубых искушений и скорбей.

Продолжение следует

П р а в о с л а в н ы й к а л е н д а р ь

1 фев., вс. – Неделя о мытаре и фарисее. Прп. Макария Великого, Египетского (390-391). Свт. Марка Евгеника, архиеп. Ефесского (1444). Блж. Феодора, Христа ради юродивого, Новгородского (1392). Прп. Макария Римлянина, Новгородского (XVI-XVII).

2 фев., пн. – Прп. Евфимия Великого (473). Мчч. Инны, Пинны и Риммы (I-II). Прп. Лаврентия затворника Печерского (XIII-XIV). Прп. Евфимия схимника Печерского (XIV).

3 фев., вт. – Прп. Максима исп. (662). Мч. Неофита (303-305). Мчч. Евгения, Кандида, Валериана и Акилы (III-IV). **Прп. Максима Грека (1556).** Мц. Агнии девы (ок. 305).

4 фев., ср. – Ап. Тимофея (ок. 97). Прмч. Анастасия Персянина (628). Прп. Макария Жабынского, Белевского чудотворца (1623). Мчч. Мануила, Георгия, Петра, Леонтия епископов, Сиония, Гавриила, Иоанна, Леонта, Парода пресвитера и прочих 377-ми (ок. 817).

5 фев., чт. – Сщмч. Климента, еп. Анкирского, и мч. Агафангела (ок. 312). Свт. Павлина Милостивого, еп. Ноланского (431). Прп. Геннадия Костромского и Любимоградского (1565). Свт. Феоктиста, архиеп. Новгородского (1786). **Собор Костромских святых.**

6 фев., пт. – Прп. Ксении (ок. 457). Блж. Ксении Петербургской (XIX). Мчч. Вавилы Сицилийского и учеников его Тимофея и Агапия (III). Прп. Македония, сирийского пустынника (ок. 420). Мч. Иоанна Казанского (1529). Свт. Герасима Великопермского (ок. 1449).

7 фев., сб. – Свт. Григория Богослова, архиеп. Константинопольского (389). Прп. Анатолия Оптинского, Старшего (1894). **Сщмч. Владимира, митр. Киевского и Галицкого (1918).**

Отечник

«Что ты стоишь здесь и плачешь?» – спросил однажды преподобный Нифонт юношу, который стоял в дверях одного дома и плакал. «Я, – отвечал юноша, – Ангел, посланный Господом на сохранение человека, который пребывает уже несколько дней в этом непотребном доме. Стою здесь потому, что не могу приблизиться к грешнику, плачу оттого, что теряю надежду привести его на путь покаяния».

Авва Марк сказал авве Арсению: «Почему ты бегаешь от нас?» Старец отвечал ему: «Бог видит, что я люблю вас, но не могу быть вместе и с Богом, и с людьми. На Небе тысячи и мириады имеют одну волю, а у людей воли различны. Поэтому я не могу оставить Бога и быть с людьми».

Пришел к авве Арсению один отец и постучался у дверей. Старец, думая, что это был его послушник, отворил дверь. Увидев же, что это другой, пал ниц. Тот говорит ему: «Встань, авва! Дай мне облобызать тебя!» Но старец отвечал ему: «Не встану, пока ты не уйдешь». И после долгих просьб старец не встал, оставался так, пока он не удалился.

Воскресные и праздничные проповеди настоятеля церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь архимандрита Василия (Карпова) доступны для прослушивания и скачивания на сайте храма

<http://pokrovka-tiras.narod.ru/>

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Главный редактор – настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). Наш адрес: 3300, Молдова, г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел. (+373 533) 2-46-97.

Набор и верстка – на оборудовании редакции. Отпечатано в полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Фурманова, 1. Объем – 1 печатный лист. Тираж – 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!